

Институциональная политология: развитие неинституционального подхода в российской политической науке

Ирина Л. Недяк

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Москва, Россия, iraned@mail.ru*

Аннотация. В первой части статьи представлены результаты многолетней работы отдела сравнительных политических исследований ФНИСЦ РАН по развитию отечественной институциональной политологии в части разработки адекватного российским реалиям понятийно-категориального аппарата. Представлены созданные идеал-типические конструкты «политическое поле», «поле господства» «политика современного типа», «политическая/эмансипаторная власть», «господство как форма неполитической власти». Дано их теоретико-методологическое обоснование, раскрыт аналитический потенциал для изучения незавершенной институционализации политического порядка в России и выявления ресурсов трансформативной политики. Сквозной сюжет второй части статьи – возможности расширения горизонта исследований политико-властных отношений через оптику концепций господства, трактуемого как социальная патология современных демократий. Обозначены политико-философские и теоретические основания современного научного дискурса и концепций господства, критерии концептуальной дифференциации форм власти, опыт операционализации концептов. В заключительной, эмпирической части исследования с опорой на анализ первичных данных пяти волн общероссийских опросов доказана продуктивность аналитического инструментария концепций господства для изучения характера институциональной среды России. Рассмотрены характер и проявления власти в форме господства в российской политике. Доказана взаимосвязь между процессами пролиферации социальных отношений господства и деформированием политического поля, снижением ресурсов социума и потенциала политических инноваций в России.

Ключевые слова: институциональная политология, неинституционализм, политическое поле, трансформативная политика, власть, господство, научный дискурс господства

Для цитирования: Недяк И.Л. Институциональная политология: развитие неонституционального подхода в российской политической науке // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 12–29. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-12-29

Institutional political science. Development of neo-institutionalism in contemporary Russia

Irina L. Nedyak

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, iraned@mail.ru*

Abstract. The first part of the article presents achievements in the many years work of the Department of Comparative Political Studies of FCTAS RAS on the development of national institutional political science relating to the workout of the conceptual and categorical apparatus adequate to the Russian realities. The author outlines specially created ideal typical constructs “political field”, “field of domination”, “politics of modern type”, “political/emancipatory power”, “domination as a form of non-political power”. Their theoretical and methodological justification is given, their analytical potential for studying the unfinished institutionalization of the political order in Russia and identifying the resources of transformative politics is revealed.

In the second part of the article, the cross-cutting theme is the possibility of expanding the horizon for research on political-power relations through the optics of the concepts on domination, which is interpreted as a social pathology in modern democracies. It specifies the political-philosophical and theoretical foundations for the present-day scientific discourse and conceptions of domination, the criteria of conceptual differentiation between the two forms of power, the experience in the concepts operationalization. In the final empirical part of the study, based on the analysis of primary data from five waves of the all-Russian surveys, the analytical tool kit of dominance concepts is proved to be productive for studying the nature of Russia's institutional environment. The article also proves a correlation between processes of proliferation of the domination social relations and deformation of political field, decrease of resources of society and potential of political innovations in Russia.

Keywords: institutional political science, neo-institutionalism, political field, transformative politics, power, domination, scientific discourse about domination

For citation: Nedyak, I.L. (2024), "Institutional political science. Development of neo-institutionalism in contemporary Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 12–29, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-12-29

Разработка сообразного российским реалиям языка описания политических институтов и процессов, критическое осмысление заимствованного понятийно-категориального аппарата исследований и включение его в российский контекст – неизменно актуальная повестка стратегий развития российской политической науки с момента ее институционализации и последующего конституирования в качестве самостоятельной дисциплины. Закономерно, что на Всероссийской научной конференции «Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций» (Москва, РГГУ, 2–3 ноября 2023 г.) обсуждался широкий круг тем, касающихся расширения познавательных и объяснительных возможностей отечественной политической науки.

В статье представлены некоторые результаты работы научного коллектива Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (далее – ОСПИ) по развитию теоретико-методологического инструментария институциональной политологии и его применению при изучении политических процессов современной России.

*Оснащение понятийного аппарата
в теоретических рамках
институциональной политологии
для исследования
политико-властных отношений в России*

В 2006 г. была опубликована монография «Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России». Этот труд фактически положил начало развитию в нашей стране институциональной политологии как направления (и субдисциплины) политической науки, выделенного по единству исследовательского подхода [Институциональная политология 2006]. В коллективной монографии обобщены результаты 10 лет работы научного коллектива, который складывался с конца 1980-х гг. в Институте международного рабочего движения АН СССР и от которого ведет свое начало ОСПИ. Отдел относительно благополучно пережил переименование Института меж-

дународного рабочего движения АН СССР (ИМРД АН СССР) в Институт сравнительных политических исследований РАН (ИСП РАН) и последующее включение его в Институт социологии РАН (ныне Институт социологии ФНИСЦ РАН) в формате Центра политологии и политической социологии. «Институциональная политология» стала последним изданием, вышедшим под грифом ИСП РАН. Монография получила признание научного сообщества, рекомендуется для изучения в программах по дисциплине «Политология», включена Министерством науки и высшего образования РФ в перечень обязательной литературы в проекте Концепции учебно-методического комплекса модуля «Основы российской государственности».

Коллектив ОСПИ продолжает работу на методологической основе неонституционализма, в меру своих сил расширяя горизонт исследований отечественной институциональной политологии. Результаты очередного многолетнего цикла исследований изложены в коллективной монографии «Институциональная политология 2.0», издание которой запланировано в 2024 г. [Институциональная политология 2.0... 2024]. Подзаголовок коллективного труда «Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства» говорит о том, что аттрактором анализа характера политико-властных отношений в современной России выступили факторы формирования существенно разных пространств: политической власти и господства, т. е. власти неполитической. Анализ данных проведенных ОСПИ пяти волн общероссийских массовых обследований¹ подтвердил ранее теоретически обоснованный вывод о том, что в современной России пространство господства сокращает потенциал политических инноваций: оно доминирует над пространством политической власти, сообразно своей неполитической сути конфигурирует институциональную среду, формирует сеть квазиполитических взаимодействий, ограничивает ресурсы субъектности социальных акторов.

¹ Объем выборки, репрезентативных для Российской Федерации в целом и федеральных округов РФ в частности, составил: 2018 г. – N 700, 2019 г. – N 700, 2020 г. – N 1000, 2021 г. – N 1000, 2022 г. – N 1000. Отбор респондентов проводился с соблюдением пропорций по численности населения в возрасте 18+ в федеральных округах, по типам поселений, а также с учетом квот по социально-профессиональным группам. Обследование проводилось во всех федеральных округах, в 21 субъекте РФ. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics. Общий для всех опросов базовый инструментарий позволяет создать единую базу и сопоставить результаты.

Ниже подробно раскрыты теоретико-методологические послышки и подходы к концептуальной дифференциации политической/эмансипаторной власти и ее абсолютного антагониста – власти в форме господства. Пока обозначим те ее основные черты и характеристики, которые одновременно обусловили и объясняют сформированную ОСПИ координатную сетку исследований: содержательное наполнение понятий «политика современного типа», «трансформативная политика», «политическое поле», «конституирование политического поля», «политизация», «деполитизация».

Власть в форме господства – это «противоправное применение власти, угрожающее базовым интересам людей» [Шапиро 2019, с. 335]. Господство – есть функция социальной системы. Эта форма власти встроена в структуры социального взаимодействия и (вос)производится ими. Господство – институциональная форма проявления такой формы власти, которая противостоит и демократической, и консервативной, и вообще любой политике.

Политика современного типа. При разработке определения «политика современного типа» научный коллектив ОСПИ опирался на понимание власти в аристотелевско-арендтовской парадигме: возможность совместного коллективного действия граждан в публичной сфере для достижения общих целей. Источник власти – в способности людей к (само)организации и социальной интеграции [Арендт 2000]. В этой логике предложенное М.В. Ильиным понятие современной политики [Ильин 1997] развернуто в понятиях «политика современного типа» и «трансформативная политика». В самом общем виде под политикой современного типа мы понимаем институционализированную конкуренцию проектов и решений, ориентированных на общее благо [Конституирование современной политики 2018]. Концептуальные синонимы этой идеал-типической модели – трансформативная политика, эмансипаторная политика/политика эмансипации, политика наделения правами и полномочиями (*empowerment*)².

Под трансформативной мы понимаем эгалитарную в своих интенциях политику, целеполагание и средства которой сопряжены с развитием субъектности членов сообщества, их способностью

² Понятие “empowerment” ввели в политический лексикон в середине прошлого века активисты феминистских движений. В русском языке не найден относительно соответствующий английскому термин. Его либо переводят как расширение возможностей и наделение полномочиями, приобретение возможностей, обретение власти и т. д., либо применяют фонозаимствование «эмпауэрмент». В статье используется оригинальный английский термин.

и возможностью определять в публичном пространстве содержание общественного блага, средства и способы его приумножения, принципы и порядок распределения, механизмы контроля за соблюдением достигнутых договоренностей.

Политическое поле. Политическое поле как идеально-типический конструкт – это пространство отношений политических акторов, в котором постоянно (вос)производится совокупность общепринятых правил. В политическом поле вырабатываются общие цели и ценности, которые становятся основой социетальной интеграции и легитимации социального порядка. В соответствии с этими правилами осуществляется взаимодействие по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативных проектов, целей и стратегически важных решений для общества [Патрушев, Филиппова 2018].

Политическое поле – пространство формирования нормативно-ценностного социетального порядка, присущего политике современного типа. В нем граждане осваивают демократические правила и нормы, основанные на них паттерны поведения, практики гражданского и политического взаимодействия [Павлова 2011].

В политическом поле осуществляется универсализация норм политического взаимодействия в форме законов, которая является условием конституирования и функционирования политического государства. Напротив, в сфере социальных отношений господства – неполитической зоны власти – запускаются механизмы развития социальной патологии социума. Ситуативные договоренности подменяют универсальные нормы, администрирование – принятие политических решений. Блокируется массовое вовлечение граждан в политические практики, механизмы исключения на основе принципов клиентелизма вытесняют институты политического представительства [Недяк и др. 2020].

Конституирование политического поля. Конституирование политического поля/пространства есть совокупность процессов институционализации и политизации. Под институционализацией понимается формирование институциональной среды и институционального порядка посредством выработки универсальных правил политического взаимодействия и выстраивания соответствующих организационных структур.

Под политизацией понимается актуализация противоречий по тем вопросам общественного развития, которые имеют отношение к общему благу и поэтому должны становиться предметом общественного выбора и основой для формирования политических размежеваний («политизация повестки»). Политизация – это также формирование и реализация политической субъектности индивидуальных и коллективных акторов, конструирование политических

идентичностей и идеологий, актуализация политического выбора и свободы («политизация акторов»).

В связи с незавершенностью отечественного институционального порядка политизация в российском контексте рассматривается как один из механизмов конституирования политического пространства. Политизация является условием возникновения политики, а деполитизация (размывание политической субъектности отдельных людей и социальных групп, лишение их возможности осуществлять свободный политический выбор) блокирует процессы формирования политического пространства и разворачивания политики.

В сочетании с деинституционализацией (деформализацией, отрицанием правил) деполитизация разрушает политическое поле, замещает его полем неполитической власти – господства [Филиппова 2019, с. 111–117, 127–134].

Анализ политико-властных отношений через исследовательскую оптику современных концепций господства

Краткое введение в дискурс современных концепций господства. Научный дискурс, в котором господство трактуется и изучается как нормативно-нежелательная форма власти и социальная патология, мы назвали ГСП-дискурс: господство как социальная патология. ГСП-дискурс формируют исследования феномена, оказавшегося общим для всех современных демократических режимов. Формально демократические институты с разной степенью интенсивности (вос) производят господство как такую форму власти, которая лишает демократические институты, нормы и процедуры их примордиального смысла и содержания, отчуждает *δημος* от *κράτος*, подчиняет сознание и волю первых своекорыстным интересам вторых.

Заметным стимулом для развития ГСП-дискурса стали три поворота – республиканский, постмодернистский, инструментальный. Республиканский поворот – ренессанс республиканской политико-философской мысли в конце 1980-х гг. – вернул вокабуляр господства (*domination*) и понимание свободы как не-господства (*freedom as non-domination*) [Pettit 2008; Lovett 2010] в современные политические дискуссии о характере власти и политики. Постмодернистский поворот дал «право гражданства» методологической плюральности и небинарной логике исследования. Инструментальный поворот утвердил ориентированность новых теорий господства определять ценность концептуальных смыслов возможностью измерить их эмпирические значения.

Роль главных триггеров ГСП-дискурса достойно исполняют политическая философия и концепции господства неороманского и афинского республиканизма; опирающиеся на теории социального обмена ресурсистские концепции господства, научный дискурс многоликих концепций власти, кратология Франкфуртской школы критической социологии, феминистский дискурс господства, теории эмансипации и *empowerment*. Даже предельно сжатый список трудов более чем внушительен [Недяк 2019].

В ГСП-дискурсе нет (и не может быть) согласованного определения сущности оспариваемого понятия «господство», но солидарно признаны следующие его признаки: несправедливые, нелегитимные, асимметричные, субъект-объектные отношения зависимости и подчинения с нулевой суммой.

Измерение власти и политики в критериях господства. Расширение социальных отношений господства в странах современной демократии высветило изъяны режимной оптики. Стало очевидно, что в теоретико-методологических рамках этого подхода социальные отношения господства плохо обнаруживаются и еще хуже поддаются анализу: какие факторы и в какой степени перенаправляют формально демократические властные отношения от ориентации на *empowerment* к блокированию источников своеправия (синоним свободы у Б. Спинозы) граждан и социализации их в подчиненных ролях.

Так как власть в форме господства ускользает от анализа в критериях «демократический режим с разными прилагательными – в разных степенях и форматах недемократический режим», в ГСП-дискурсе предпочтение отдано альтернативному методологическому подходу. Характер власти и политико-властных отношений измеряется как нелинейное движение в критериях «политическая власть (политика эмансипации, *empowerment*) – господство (блокирование политики и в логическом пределе ее упразднение». Исходную посылку такого подхода афористично выразил известный политический философ и политолог И. Шапиро: «Не-господство представляет лучшую нормативную основу для размышлений о политике по сравнению с альтернативными идеалами» [Шапиро 2019, с. 10].

Трактовка господства в социологии М. Вебера и ГСП-дискурсе. «Читайте Вебера» – первая реакция многих коллег по цеху при нашем упоминании о работе по концептуализации господства. Стало ясно, что по причине довлеющего авторитета социологии господства М. Вебера самый наглядный прием введения в проблематику ГСП-дискурса – указать на принципиально разное нормативное и функциональное понимание господства.

В теории господства М. Вебера нет нормативного (и даже семантического) различия между властью и господством. Напротив, ГСП-дискурс сосредоточен на их нормативном, концептуальном и аналитическом различении.

Согласно М. Веберу, господство (тот или иной его тип) легитимирует власть и структурирует общество, является основой всех видов социальных действий. В ГСП-дискурсе господство трактуется прямо противоположно: как нелегитимная форма власти, социальная патология, которая разлагает социальную ткань общества [подробнее см.: Недяк 2021].

Двухядерная концепция господства. Результаты проведенного критического анализа теоретических работ ГСП-дискурса и систематизация дебатированных критериев двух форм власти автор представил в виде двухядерной концепции господства. Генетически связанные ядра названы «власть закона vs власть произвола» и «воля гражданина vs безволие подданного».

В первом ядре «точка схода» критериев дифференциации форм власти – ее нацеленность на структурное обеспечение или ограничение основанного на законе безличного порядка, на универсализацию и генерализацию норм, на безусловную и неселективную подчиненность любого члена общества законодательно установленным нормам.

В концепциях неороманского республиканизма власть произвола (*arbitrary power*) – синоним господства. Это структурно и процедурно обеспеченная возможность субъекта власти «выходить из клетки закона», попирает его на системной основе, безнаказанно подчинять своему произволу объект воздействия, делать его инструментом реализации своих корыстных интересов. Господство – состояние, «испытываемое человеком или группой лиц, в той степени, в какой они зависят от социальных отношений, в которых какой-то другой человек или группа лиц обладают произвольной властью над ними» [Петтит 2016, с. 15].

«Точка схода» критериев дифференциации власти второго ядра – ее нацеленность на структурное обеспечение или ограничение ресурсов субъектности человека, его возможности, воли и способности к критическому мышлению, к осознанию, артикуляции и коллективной защите своих интересов. Коротко говоря – ориентированность власти на развитие или блокировку процессов *empowerment*. Власть обретает форму господства, когда ее субъекты систематически получают выгоду, внедряя в своих интересах «совокупность» предопределяющих ценностей, мифов, убеждений, ритуалов, установленных институциональных процедур и правил игры» [Bachrach and Baratz 1962, p. 952], которые обеспечивают

«согласие на господство посредством формирования верований и желаний, посредством наложения внутренних ограничений на цели и интересы человека» [Льюкс 2010, с. 163–164].

*Эмпирическая фиксация господства
и характера его влияния
на политико-властные отношения
современной России*

Через оптику двудерной концепции господства рассмотрим несколько срезов анализа данных пяти волн общероссийских исследований, проведенных ОСПИ (2018–2022 гг.).

В критериях и исследовательской логике первого ядра «власть закона vs власть произвола» выявлен мощный фактор упразднения поля политики: убежденность большинства опрошенных в собственном бесправии перед государством, в слабой ориентированности власти в России на интересы граждан и ее неподконтрольности. Напомним основополагающий постулат неоинституционализма – убеждения формируют институты, а не наоборот [Норт 1997].

Анализ через призму оптики второго ядра «воля гражданина vs безволие подданного» выявил тесную взаимосвязь между сложившимися у человека представлениями о характере власти и политического порядка и формированием его гражданских или подданных социальных установок и паттернов поведения.

Власть закона vs власть произвола. Подавляющее большинство опрошенных «помещают» себя в поле господства, а не политической власти, заявляя, что они не верят в свою политико-правовую защищенность. Лишь 17% респондентов считают, что могут рассчитывать на защиту закона при взаимодействии с властью или в случае конфликта с ней³. С 2018 г. этот показатель стабилен. 73% респондентов согласны с утверждением, что за последние 10 лет ситуация с правами таких людей, как они, изменилась в худшую сторону или осталась без изменений. Движение в лучшую сторону отметили всего 18% респондентов. Иными словами, у большинства россиян устоялось ощущение своего правового бессилия: более 80% респондентов считают, что они пребывают в неправомерном пространстве, более 70% не видят перспектив выхода из него.

³ Здесь и далее приводятся данные опроса, проведенного в июне 2022 г., если не указано особо.

Согласно оценкам большинства респондентов, препятствуют формированию поля политики в России власть, законы и политика. Лишь 22% опрошенных считают, что российская власть действует в интересах большинства населения. Сгущают краски суждения об ориентированности российских законов на общее благо – *respublica*. Согласны с тем, что законы служат интересам граждан – 21% опрошенных, интересам власти – 56%.

Неудивительно, что российская политика воспринимается как неправомерная подавляющим большинством респондентов. Среди согласившихся с утверждением, что политика имеет правила игры (а это всего 22% опрошенных) лишь 6% считают, что эти правила выражают интересы граждан и 63% – интересы самих политиков. Остальные затруднились ответить (31%).

«*Воля гражданина vs безволие подданного*». Данные анализа о «перенаселенности» поля господства осложняют задачу по выявлению (и тем более позитивной мобилизации) агентов трансформативной политики. Исследование зафиксировало подавление или обращение вспять процессов *empowerment* на всех трех уровнях – личностном, интерактивном, поведенческом. Больше половины опрошенных россиян (63%) уверены, что правительство вряд ли интересуется, что думают о нем такие люди, как они. «Таает» число уверенных в способности граждан самим организовать для решения важных для них задач: 30% – в 2022 г., 38% – в 2021 г., 40% – в 2020 г. и 47% – в 2019 г.

Социальные установки «Граждан» политического поля и «Подданных» поля господства. Анализ данных показал, что политическое поле и поле господства – демиурги разных социальных коллективных воображаемых и, как следствие, разных нормативно-ценностных, когнитивных, мотивационных и поведенческих установок граждан [Недяк 2022]. Мы выделили две (оказавшиеся в целом схожими по социодемографическим характеристикам) группы респондентов на основании их ответа на закрытый вопрос анкеты: «Считаете ли вы, что сегодня можете рассчитывать на защиту со стороны закона в случае конфликта с властью?». Ответивших на него положительно мы «поместили» в поле политики и назвали выделенную группу «Граждане». В группу «Подданные» и в пространство господства включены респонденты, выбравшие варианты ответов «нет» и «затрудняюсь ответить». Разительное отличие оценок «Граждан» и «Подданных» политико-правового состояния дел отечественной политики подтверждает аналитическую валидность инструментария концепции господства применительно к российскому контексту (рис. 1, табл. 1).

Рис. 1. Суждения о власти и законах респондентов, выделенных по критерию их уверенности в защите со стороны закона при конфликте с властью, %

Таблица 1

Суждения о власти и законах респондентов, выделенных по критерию их уверенности в защите со стороны закона при конфликте с властью, %

Согласны ли вы со следующими утверждениями?	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
Власть в России действует в интересах большинства населения	52	16
Власть в России действует в своих собственных интересах	11	37
В России закон может ограничить власть	32	17
Власть в России ничто не может ограничить	28	39
Законы в России служат интересам власти	28	61

Уверенных в ориентированности российской власти на интересы граждан в три раза больше на поле политики по сравнению

с полем господства (52 и 16% соответственно). В той же пропорции распределились мнения о ее своекорыстии. Согласно, что российская власть действует в собственных интересах, 11% респондентов в группе «Граждане» и 37% – в группе «Подданные». В коллективном воображаемом поля политики и поля господства «клетка закона» в разной степени удерживает российскую власть. Считают, что ее ничто не может ограничить, 28% «Граждан» и 39% «Подданных». На поле политики в два раза меньше респондентов, уверенных в ориентированности российских законов на интересы власти – 28% против 61%. В способность российских законов ограничить власть в нашей стране верят 32% в группе «Граждане» и 17% в группе «Подданные».

Если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям [Thomas and Thomas 1928, pp. 553–576]. Эту хрестоматийную максиму американских социологов подтверждает выраженное отличие социальных установок респондентов на поле политики и поле господства.

Прямую зависимость между восприятием респондентами характера институциональной среды и их потенциалом гражданского самостояния, способностью и готовностью к *vita active* доказывают данные, приведенные в табл. 2. Абрисы социальных установок «Граждан» и «Подданных» на рис. 2 их иллюстрируют.

Рис. 2. Когнитивные и поведенческие установки респондентов, выделенных по критерию их уверенности в защите со стороны закона при конфликте с властью, %

Таблица 2

Когнитивные и поведенческие установки респондентов, выделенных по критерию их уверенности в защите со стороны закона при конфликте с властью, %

Согласны ли вы со следующими утверждениями?	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
Людам можно доверять	53	28
Граждане России способны сами организовать для решения важных задач	36	28
У таких людей, как вы, нет возможности влиять на принимаемые властями решения	30	61
Нет смысла голосовать, всё решают без нас	13	25
Участие в выборах является обязанностью гражданина	43	29

Больше половины респондентов в группе «Граждане» склонны доверять людям (53%). Эту принципиально важную для *empowerment* социальную установку имеет менее трети респондентов группы «Подданные» (28%). Уровень межличностного доверия и важные для развития гражданственности установки прямо связаны. С разрывом в 31 п.п. отличаются мнения респондентов двух групп о целесообразности влияния на принимаемые властями решения – 61 и 30% соответственно. Уверенность в способности граждан к самоорганизации выше на поле политики – 36 против 28%. Очевидна связь между оценкой респондентами роли института выборов в отечественной политике и их партиципаторными установками. «Нет смысла голосовать, все решают без нас» – такую позицию разделяют 13% в группе «Граждане» и почти в два раза больше – в группе «Подданные» (25%). Отчасти это объясняет, почему участие в выборах считают обязанностью гражданина 43% респондентов в политическом поле и 29% – в поле господства.

Эмпирически зафиксированные источники и проявления *modus vivendi* и *modus operandi* поля господства указывают и на направления усилий по его ограничению и сокращению. В проведенном срезе анализа самым очевидным и актуальным направлением представляется проведение целенаправленных комплексных мер для повышения субъективных и объективных оценок состояния политико-правовой и статусной защищенности граждан.

* * *

Усилия по переосмыслению и развитию описательных основ политической науки – не только хорошее средство для преодоления беспокойства по поводу закономерно появляющихся перед ней новых вызовов, но и свидетельство зрелости политических дисциплин [Goodin and Klingemann 1996, pp. 9–22]. Справедливость этого утверждения по отношению к российской политической науке подтвердила работа XIV Международной научной конференции «Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций». Магнитное поле ее обширных тематических направлений сформировали плодотворные обсуждения теоретических и методологических проблем, достижений, упущений и возможностей современной политической науки. Эта научная повестка включает развитие отечественной институциональной политологии, расширение на методологической основе неoinституционализма проблемного поля и инструментария исследований политических процессов и институциональной среды современной России.

Литература

- Арендт 2000 – *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни.* СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
- Ильин 1997 – *Ильин М.В.* Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. 417 с.
- Институциональная политология 2006 – Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. 586 с.
- Институциональная политология 2.0... 2024 – Институциональная политология 2.0: Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства / Отв. ред. И.Л. Недяк, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия, 2024. 477 с. Предпринт.
- Конституирование современной политики 2018 – Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 262 с.
- Льюкс 2010 – *Льюкс С.* Власть: радикальный взгляд. М.: Издат. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
- Недяк и др. 2020 – *Недяк И.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.* Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 42–53.
- Недяк 2019 – *Недяк И.Л.* Дискурс определений власти и господства // Господство против политики: российский случай: Эффективность институциональной

- структуры и потенциал стратегий политических изменений / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 46–54.
- Недяк 2021 – Недяк И.Л. Власть и господство в проекции коллективного воображаемого: Факторы (де)формирования политического пространства России // Общественные науки и современность. 2021. № 3. С. 30–45.
- Недяк 2022 – Недяк И.Л. Господство в современных демократиях: подходы к концептуализации, измерению, ограничению // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2022. № 2. С. 32–48.
- Норт 1997 – Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
- Павлова 2011 – Павлова Т.В. Граждане и перспективы политического порядка в России // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: РОССПЭН. 2011. С. 295–310.
- Патрушев, Филиппова 2018 – Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Институциональные проблемы конституирования политического поля и политики в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 14–31.
- Петтит 2016 – Pettit Ф. Республиканизм: Теория свободы и государственного правления. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 488 с.
- Филиппова 2019 – Филиппова Л.Е. Политизация и деполитизация // Господство против политики: российский случай: Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 111–117.
- Шапиро 2019 – Шапиро И. Политика против господства. М.: Праксис, 2019. 476 с.
- Bachrach and Baratz 1962 – Bachrach P., Baratz M. Two faces of power // American Political Science Review. 1962. Vol. 56. Iss. 4. P. 947–952.
- Goodin and Klingemann 1996 – Goodin R.E., Klingemann H.-D. Political science. The discipline // A new handbook of political science / Ed. by R.E. Goodin, H.-D. Klingemann. N.Y.: Oxford University Press, 1996. 687 p.
- Lovett 2010 – Lovett F. A general theory of domination and justice. Oxford: Oxford Univ. Press. 2010. 746 p.
- Pettit 2008 – Pettit Ph. Republican liberty. Three axioms, four theorems // Republicanism and political theory / Ed. by C. Laborde, J. Maynor. Oxford: Blackwell, 2008. P. 102–132.
- Thomas and Thomas 1928 – Thomas D.S., Thomas W.I. The child in America. Behavior problems and programs // The methodology of behavior study / Ed. by W.I. Thomas. N.Y.: Knopf, 1928. P. 553–576.

References

- Arendt, H. (2000), *Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni* [Vita activa, or About active life], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

- Bachrach, P. and Baratz, M. (1962), "Two faces of power", *American Political Science Review*, vol. 56, iss. 4, pp. 947–952.
- Goodin, R.E. and Klingemann, H.-D. (1996), "Political science. The discipline", in Goodin, R.E. and Klingemann, H.D., eds., *A new handbook of political science*. Oxford University Press, New York, USA.
- Il'in, M.V. (1997), *Slova i smysly: Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatii* [Words and meanings: The experience of describing key political concepts], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Lovett, F. (2010), *A general theory of domination and justice*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
- L'yuks, S. (2010), *Vlast': radikal'nyi vzglyad* [Power. A radical view], Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Nedyak, I.L., Pavlova, T.V. and Patrushev, S.V., eds. (2024), *Institutsional'naya politologiya 2.0: Transformativnaya politika v Rossii: sotsial'nye aktory i politicheskie instituty v prostranstve vlasti i gospodstva* [Institutional political science. Transformative politics in Russia. Social actors and political institutes in fields of power and domination], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia. Predprint.
- Nedyak, I.L., Pavlova, T.V., Patrushev, S.V. and Philippova, L.E. (2020), "Political field and zone of power. Ideal type versions and an empirical verification", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 42–53.
- Nedyak, I.L. (2019), "Discourse about definition of power and domination", in Patrushev, S.V. and Filippova, L.E., eds., *Gospodstvo protiv politiki: rossiiskii sluchai: Effektivnost' institutsional'noi struktury i potentsial strategii politicheskikh izmenenii* [Domination against politics. Russian case. Effectiveness of institutional structure and potential of strategies for political change], Politicheskaya entsiklopediya. Moscow, Russia, pp. 40–46.
- Nedyak, I.L. (2021), "Power and domination in the collective imaginary. Factors of the (de)formation of the political sphere in Russia", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 30–45.
- Nedyak, I.L. (2022), "Domination in contemporary democracy. Conceptualization, dimension, restriction", *The political conceptology. Journal of metadisciplinary research*, no. 2, pp. 32–48.
- Nort, D. (1997), *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance], Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala", Moscow, Russia.
- Patrushev, S.V., ed. (2006), *Institutsional'naya politologiya: Sovremennyi institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii* [Institutional political science. Contemporary institutionalism and political transformation in Russia], ISP RAN, Moscow, Russia.
- Patrushev, S.V. and Filippova, L.E., eds. (2018), *Konstituirovaniye sovremennoi politiki v Rossii: institutsional'nye problemy* [Constitution of modern politics in Russia. Institutional problems], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.

- Patrushev, S.V. and Philippova, L.E. (2018), "Institutional issues of the institutionalization of political field and politics in contemporary Russia", *Political Science*, no. 2, pp. 14–33.
- Pavlova, T.V. (2011), "Citizens and prospects for political order in Russia", in Patrushev, S.V., ed., *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoi Rossii: vosпроизводство i transformatsiya institutsional'nogo poriadka* [Citizens and political practices in contemporary Russia. Reproduction and transformation of the institutional order], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 295–310.
- Pettit, Ph. (2016), *Respublikanizm: Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism. A theory of freedom and government], Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, Russia.
- Pettit, Ph. (2008), "Republican liberty. Three axioms, four theorems", in Laborde, C. and Maynor, J., eds., *Republicanism and political theory*, Blackwell, Oxford, UK.
- Philippova, L.E. (2019), "Politization and depolitization", in Patrushev, S.V. and Philippova, L.E., eds., *Gospodstvo protiv politiki: rossiiskii sluchai: Effektivnost' institutsional'noi struktury i potentsial strategii politicheskikh izmenenii* [Domination against politics. Russian case. Effectiveness of institutional structure and potential of strategies for political change], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 111–117.
- Shapiro, I. (2019), *Politika protiv gospodstva* [Politics against domination], Praxis, Moscow, Russia.
- Thomas, D.S. and Thomas, W.I. (1928), "The methodology of behavior study", in Thomas, W.I., ed., *The child in America. Behavior problems and programs*, Knopf, New York, USA, pp. 553–576.

Информация об авторе

Ирина Л. Недяк, доктор политических наук, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; iraned@mail.ru

Information about the author

Irina L. Nedyak, Dr. of Sci. (Political Science), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, Russia, 117218; iraned@mail.ru